

ВЕЧЕРА В ТАХТА-БАЗАРЕ

Днем принимали овец.

Перед Тахта-Базаром, со стороны Афганистана, стояла глиняная гора, под горой извивался полноводный Муграб, чистый и синий в осеннюю пору. Было утро и легкое солнце. За городом, у развалин глинобитных зданий, толпилось стадо: это был сброд, отбитый у неудачливого бандита, - каракульские, туркменские, белуджские и высоконогие овцы афганской породы "аймак". Они были тощие, с пустыми хвостами.

- Я виноват, что под Тахта-Базаром трава не растет? - говорил уполномоченный заготовительного пункта - толстый беспокойный армянин с могучими бровями.

В глинобитный развалинах устроили загон. В загоне были шум и движение. Пастухи ловили овец. Вожатые козлы, взволнованные и наглые, носились вдоль стен загона, ища лазейку. Голодные ягнята с любопытством смотрели на пастухов и дружно от них шарахались. Ветерок сдувал с развалин пыль. Далеко внизу, под развалинами, был голубой простор Мургабской долины.

Кулагин сидел на верблюжьем седле у высокой обветренной стены и вел запись. Пастухи вытаскивали из загона изумленных овец. Живулькин задирал им верхнюю губу, смотрел на овечьи резцы и определял по зубам возраст. Иногда, ощупав овцу, он озабоченно кричал:

- Травма на хвосте. Хромота. Бронхит!

Кулагин держал папку на коленях и условными знаками обозначал наружные признаки овец. Пастухи, распахнув халаты, сидели верхом на овцах, овцы в недоумении вертели головами. Живулькин, потный и неистовый, кричал пастухам:

- Смотри, пожалуйста, сел верхом, как на кобылу. Что же, товарищ зоотехник будет тебя описывать или овцу? Слазь, слазь, не скаль зубы: тут баб нет.

Пастухи смеялись, простосердечная ярость Живулькина была необидной.

Когда пастухи задерживались в загоне и пестрый овечий поток прерывался, Кулагин с улыбкой поглядывал на своего ветеринарного фельдшера, седого и беспокойного.

Вечерами на дворе заготовительной конторы приезжие дышали прохладой осеннего воздуха, слушали гитару бухгалтера, командированного из города Мары, развлекались беседой.

Бухгалтер был урод в семье бухгалтеров, он не любил ночных занятий в конторе, его больше привлекали ночные тени на пустом дворе и звук гитары.

Гитара бухгалтера была украшена большим зеленым бантом. Живулькин с уважением пощупал материю.

- Хорошенький у вас на гитарке бантик. Чай, жинка старалась, или от какой-нибудь случайной дамочки?

- Моя супруга.

- Гитарка у вас ценная.

- Я - человек музыкальный.

- А на балалайке не играете? - спросил Кулагин.

- Женщины не уважают балалайку.

Бухгалтер вынул из кармана серебряный портсигар с монограммами, конскими головами и наядами из фальшивого золота, открыл его и сказал:

- Прошу. Редкое качество при нашей отдаленности.

Кулагин поблагодарил и взял сигарету. Живулькин вздохнул, пораженный любезностью бухгалтера, и незаметно взял две.

- Пахучие! - сказал он, понюхав. - Благодарствуйте... Сыграйте что-нибудь на гитарке.

- Что прикажете?

- Ну, любовный романсик или нашу русскую песню.

- О любви принципиально не играю.

- Почему? - спросил Кулагин.

- Видите ли, мы с моей супругой как-то подумали на этот счет...

- Да.

- И решили, что любовь - это липовая надстройка исторически угнетенного общества, настоящее свободное чувство расцветет только при коммунизме. К сожалению, мы до этого не доживем. Я вам сыграю бравурный марш.